

21. Кукольник Н. "Я поздравляю, друг мой нежный..." // Кукольник Н. Стихотворения. – Таганрог, 1999. – С. 111.
22. Филевский П. Нестор Васильевич Кукольник // Таганрогский сборник №1. – Таганрог, 1909. Здесь автор пишет: "Н.В.Кукольник был человек здоровый, и эта смерть многих поразила, а затем стала вызывать разные толки, едва ли имевшие серьезные основания".
23. Пузыревский И.А. За что и как был выслан в Вятку М.Е.Салтыков // М.Е.-Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. – М., 1975. – С. 55.
24. Завещание А.Работиной // ГАРО, ф. 577, оп. 1, д. 325, л. 23.
25. Работина А. – П.Третьякову // Николаенко А.И. "Портрет" // Таганрогский вестник. – 1995. – 12 августа. – С. 3.
26. Лонгинов Н.М.Свадьба поэта // Лица: Биографический альманах. – СПб., 1993. – С. 441–451.
27. Никитенко. Дневник: Т. 1–3. – М., 1955–1956. Запись от 14 декабря 1852...
28. Ранчин А.М. Под сению кулис и под кровлю борделя // Лица: Биографический альманах. – СПб., 1993. – С. 389–391.
29. ИРЛИ, Архив Лонгинова 25.085,С1ХУ1 6.1. лист 12 об.
30. Тетрадь Лонгинова, 1858 // ИРЛИ, Архив Лонгинова 25.085,С1ХУ1 6.1. л. 12 об.
31. Тургенев И.С., Некрасов Н.А., Дружинин А.П. Послание к Логинову // Тургенев И.С., ПСС. – Т. 12. – М., 1986. – С. 316–320.
32. Беседа Н.Роставчук с доцентом Московского педагогического университета А.Полеевым Постель – не повод для знакомства // Труд – 7. – 1999. – 27 августа. – С. 10.
33. ГАРО, ф. 581, оп. 1, д. 424, л. 2.
34. ИРЛИ, ф. 371, д. №94. Здесь добавим только, что Василий жил не только в Кенигсберге, но и у Платона Пузыревского. Этот факт отмечен (неоднократно) в письмах Кукольника. После этого Кукольник планировал его устроить в "3-ю реальную гимназию, что на Лубянке" в Москве. Как выяснила московская исследовательница О.Шурыгина, Кукольник Василий жил в Москве. Здесь же в документах 1911 года она разыскала фамилию Н.В.Кукольник, но никаких подробностей об этих лицах пока не удалось установить.
35. Ранчин А.М. Под сению кулис и под кровлю борделя // Лица: Биографический альманах. – СПб., 1993. – С. 389–391.
36. Пеликан А.А. Во второй половине века // Голос минувшего. – 1915. – №1.

А.И.Николаенко

Машенька

(М.Ф.Толстая в жизни Нестора Кукольника)

Н.Кукольник переезжает в Петербург в мае 1831 года. Ему еще придется через год ненадолго вернуться в Вильно как чиновнику при ректоре Вильнюсского университета. Но в августе 1832 года он подает в от-

ставку и окончательно закрепляется в Петербурге. На первых порах он живет у своих родственников – в семье Пеликана, а затем решает и эти проблемы, снимая частные квартиры. Как вспоминал в 1885 г. Кукольник, в это время он завязывает первые знакомства. "Первый мой друг с которым я свел и знакомство, и дружбу в театре, – некто отставной офицер – Савицкий, – добрая душа". Среди других лиц, с ним Кукольник установил дружбу, переехав в Петербург, был переводчик Василий Николаевич Щастный, с кем он переписывался еще гимназистом, и барон Розен, литератор и издатель альманаха "Альцион" [1]. Можно назвать еще имя супругов Карлгоф, с которыми Кукольник установил личное знакомство.

В это же время Кукольник начинает посещать литературные кружки и салоны, которые особенно характерны были для русской культуры начала XIX века [2]. Наиболее известным в те годы был салон Ф.П.Толстого, который существовал с 1809 года [2, с. 47]. Салон это был демократизированным. У Ф.П.Толстого собирались писатели от Пушкина, Жуковского и Гнедича до Шаховского, Кукольника и его почитателей [2, с. 9]. Салон собирался по воскресеньям. Кукольник, только вступивший в литературный мир, начал посещать салон в 1832 году [3].

Ф.П.Толстой – один из первых представителей художественной интеллигенции, порвавший со своим кругом и ставший профессиональным художником. После выпуска коллекции медалей о войне 1812 года граф Толстой получил от Гете письмо, в котором поэт в очень лестных фразах отозвался о его таланте. И в последующем действия Ф.П.Толстого заслуживают серьезной положительной оценки, хотя о них не всегда и упоминается. Так, именно Ф.П.Толстой обращался к Его Императорскому Величеству по вопросу прекращения ссылки Т.Шевченко. Известно, что по этому вопросу Т.Шевченко обращался к Брюллову и Жуковскому. Но итог был один. Брюллов лишь пожал плечами. Жуковский и того не сделал. А вот Ф.П.Толстой сумел...

Н.В.Кукольник своим участием в салоне стал очень близким человеком в семье Ф.П.Толстого. Есть даже сведения, что он был крестным отцом его дочери Екатерины (1843–1913) от второго брака с Анастасией Ивановной Ивановой. В описываемое нами время у графа Ф.П.Толстого по воскресеньям сходилась петербургская интеллигенция. Она состояла из молодых художников, подававших большие надежды (вроде Н.Рамазанова), литераторов (помимо Н.В.Кукольника здесь частым гостем был Н.Гоголь), из любителей литературы и искусства (Любич-Романович и т.д.). Частыми участниками встреч у Ф.П.Толстого были К.П.Брюллов и М.И.Глинка. Вот отдельные отрывки из воспоминаний

дочери Толстого: "... и у нас по воскресеньям стали больше всего заниматься музыкой и пением. Тогда же всегдашним нашим воскресным гостем сделался и Михаил Иванович Глинка, который в это время задумывал уже свою оперу "Жизнь за царя", и все, что напишет, играл и пел у нас сам".

Несколько позже состав посетителей салона расширился. В салоне "стали бывать у нас часто Василий Андреевич Каратыгин и жена его, Александра Михайловна, два знаменитых артиста того времени, которые прежде привозили только в подарок моим родителям билеты на свои бенефисы, а теперь вошли в состав нашего самого интимного общества".

Надо полагать, знакомство Н.В.Кукольника с дочерью графа Марьей Федоровной Толстой состоялось в 1832 году. Об этом она сама напоминает, когда говорит, что "вскоре после появления Кукольника в нашем доме мне минуло мои желанные шестнадцать лет". А день рождения Машеньки приходится на 30 октября.

Вот как произошло это знакомство:

"Однако, вдруг нежданно-негаданно для меня самой, случилось такое обстоятельство, которое лучше всего доказало отцу и матери моей, что дочь их Машенька взрослая девушка. Представляете себе, что я, далеко еще не достигнув 16 лет, влюбилась.... Нет, я не так выразилась: я не влюбилась, а полюбила... потому что влюбиться может всякая девочка, а полюбить так крепко, как я полюбила, мог бы только совсем взрослый человек...

Помню до сих пор все подробности этого решительного для меня события. Помню, что это случилось со мною зимою 1832 года в воскресенье. Мы только что пообедали; не совсем здоровая в этот день маменька и сестра Лизанька прилегли немного отдохнуть; вечерние гости ещё не сходились. Анна Николаевна Рускони с тетками ушли наверх в их комнату, и я пошла просидеть с ними; немного погодя я услышала оттуда, что у нас в зале кто-то играет на фортепиано, потом папенька крикнул мне снизу: "Маша, поди сюда!". Я сейчас же побежала. Когда я вошла в залу, в ней было почти темно, только две сальные свечки горели на столе, и я не смогла разглядеть хорошенько мужчину, который сидел вдали за фортепиано.

Папенька взял меня за руки, подвел к нему и сказал:

– Нестор Васильевич, позвольте вам представить меньшую дочь мою, Марью Федоровну... Маша рекомендую: это наш молодой поэт, Нестор Васильевич Кукольник.

Я молча сделала реверанс. Черная фигура тоже молча, не отнимая рук от клавишей, только мотнула головой и продолжала играть. Тогда только наш Иван, – спасибо ему, – вбежал с фитилем. Начал зажигать кенкеты, зало осветилось, и я увидела перед собою худого, длинного, бледного молодого человека с большим носом и толстыми губами... И что же бы вы подумали. Умное, доброе лицо Кукольника мне сразу понравилось...

И хотя он далеко не любезно со мною обошелся, я не ушла от него, а оперлась рукой на фортепиано и стала его слушать... Как он прелестно играл! Он что-то фантазировал и переходил из мотива в мотив, точно ворковал что-то, и тихие звуки от игры его так и лились прямо в душу... Я, грешный человек, до сих пор шумной блестящей музыки не люблю; мне она мила только до тех пор, покада говорит душа, а как только становится жонглерством, фокусом с проворством рук, так – Господь с ней, мне её не надо! И я охотно сознаюсь, что я в музыке совершенный профан.

Кукольник продолжал играть и вдруг, не взглянув даже на меня, спросил:

– А вы играете на фортепиано?

– Нет, Нестор Васильевич, я самое бездарное создание: ни в дудочку, ни в сопелочку! – засмеявшись, отвечала я.

– Напрасно! У вас длинные музыкальные пальцы. Вы бы могли играть хорошо, – сказал он, вставая из-за фортепиано, и прошел в кабинет отца.

Кажется, после такого первого знакомства нельзя ожидать завязки какого-нибудь романа между мною и Нестором Васильевичем Кукольником, однако ж роман не роман, а что-то завязалось" [4].

Отечественные литературоведы по поводу этих отношений Кукольника с дочерью графа Толстого сделали различные предположения. Известный пушкиновед О.Н.Лернер считает, что Н.Кукольнику вообще не дано было "искренне" увлечься кем-нибудь. Относясь с уважением к исследованиям О.Лернера, скажем, что в данном случае им был избран самый легкий путь.

Работник исторического музея М.Бокова, составитель и комментатор "Воспоминаний" Марии Федоровны, предположила, что Н.Кукольник на момент знакомства был женат. "Женился он до своего переезда в Петербург, – пишет она в своей вступительной статье [5].

Мне лично о женитьбе Кукольника в 1931 году ничего не известно. Видимо, Бокова, утверждая так, ориентировалась на запись А.Мокрыцкого в дневнике по поводу окончания работы над портретом Кукольника:

"...С утра до вечера писал я Кукольника – кончил. Братья его и жена очень довольны портретом, я же, честно говоря, мало сам доволен, хотя вижу в нем лучшую из своих работ на счет выполнения натуры". Запись относится к февралю 1836 года. О какой жене идет речь у Мокрицкого, не понятно. Хотя в 1836 году Кукольник уже был знаком со своей будущей женой Амалией фон Фризен [6].

А события развивались своим чередом.

"Я скоро познакомилась с Кукольником, подружилась с ним. И потом – сама не знаю уж как – крепко полюбила его... Конечно, за другого человека отвечать трудно, но я знала, чувствовала, что он также меня любит..., хотя во время, что мы были так близки друг другу, Нестор Васильевич ни разу не сказал мне ни одной любезности, ни одного комплимента, да и вообще между нами о нашей любви никогда и помину не было. Ни разу он не назвал меня "Машенькой", а я его "Нестором". Мы все оставались Марьей Федоровной и Нестором Васильевичем. И во все это счастливое для меня время он ни разу не поцеловал не только меня, даже руки моей; а между тем мы с ним составляли точно одно существо: он знал все мои вкусы, угадывая мои желания, старался исполнить их, чтобы доставить мне удовольствие, а я так даже чувствовала, когда он едет к нам, и всегда выбегала в приемную встречать его... И тут он наскоро передавал мне новости о делах своих, и все, что интересовало его в ту минуту, он спешил сообщить мне первой... Я этим очень гордилась! И радовало меня тоже, что папенька и маменька, видимо, полюбили Нестора Васильевича. Короче сказать, на моем горизонте тогда не виднелось еще ни одной темной тучки, и я была счастлива вполне [7].

Речь идет о 1833 году. В начале 1834 года на сцене Александринского театра идет драма Н.Кукольника "Рука Всевышнего ...". Слава его как поэта становится общепризнанной. В глазах большинства образованных людей Кукольник затмил Пушкина. Сам царь рукоплескал, присутствуя на премьере спектакля.

"А что я чувствовала в это время, я и рассказать не могу... Положительно я была на седьмом небе от успеха и триумфа Нестора Васильевича... Когда после этого увидала его в первый раз, я до того расчувствовалась, что не могла сказать ему ни слова, а только крепко, крепко пожалала ему руку. Да, верно, полные слез глаза могли досказать ему все, что я не смогла тогда выговорить" [8].

Но "темные тучки" надвигались. Кукольник знакомится с дочкой отставного моряка Екатериной Тимофеевной Фан дер-Флит, с братом которой он был хорошо знаком. Он был и с двоюродным братом Екатери-

ны Тимофеевны, будущим героем Севастополя адмиралом В.А.Корниловым. Возникает любовь.

Машенька не может этого не почувствовать. Вот что она рассказывает об этом времени: "... Я была безмятежна и счастлива. Только раз выбежала я весело встречать своего обожаемого Кукольника; он вошел в приемную какой-то странный, серьезный, совсем не похожий на себя. Я было протянула к нему обе руки и только что хотела заговорить с ним, как он поклонился мне как-то неловко и сейчас же, не сказав мне ни слова, прошел в кабинет отца моего. Меня что-то ударило точно ножом в сердце; и я поняла, что с ним случилось что-нибудь новое, ужасное. Я так и замерла на месте... В голове моей завертелись вопросы: но, если с Нестором Васильевичем и случилось что-нибудь неприятное, я то в чем виновата? За что он меня так нестерпимо обидел? А тут меня вдруг меня подстрекнуло женское самолюбие; мне не захотелось показать ему, что я заметила его странный со мною поступок; я сейчас же скорчила равнодушное лицо, вышла, как ни в чем не бывало в залу и весело начала заниматься гостями [...].

Немного погодя Кукольник пришел в залу, начал как всегда устраивать разные игры, был очень любезен со всеми гостями и со мною говорил в общих разговорах. Но ко мне отдельно не подошел ни разу и не сказал мне ни одного задушевного слова. Женская гордость не позволила мне даже подойти к нему спросить, что значит эта перемена, и я держала себя с ним так же, как он со мною. И с этого самого дня невинное счастье ни разу ко мне не возвращалось" [9].

Был 1834 год. Год тяжелой и трудной любви Кукольника к Екатерине Тимофеевне. Как далеко зашли их чувства, сказать я не могу. Некоторое представление дают два письма к Федору Тимофеевичу Фан дер-Флиту, брату Екатерины и другу Кукольника, где он описывает, как он сам говорит, "любимцев моей жизни и воображения". В одном письме (датировано 21 ноября 1834 г.) он замечает: "Аспазия несносна своею холодною ласковостью, в которой виден ум опытной кокетки, уже более не жаждущей земных наслаждений; для неё смешны порывы юношествовавшего чувства [...]. Как умная женщина, она любит шутить чувствами неопытной молодости и с утонченностью, к какой неспособна ни одна светская женщина. Она именем дружбы, притворным простодушием "я вас люблю" пробуждает всю бурю надежд, чтобы вслед за тем умышленно ничтожным словом задавить несчастного тяжестию своей холодности" [10].

Так или примерно так передал Кукольник переживаемое им при встречах с той, которую он потом назовет "Ленорой", но происшедшие

изменения в его отношениях с Машенькой становятся заметны всем. Достоевский позже по аналогичному случаю скажет: "О женщине нельзя сообщать третьему лицу. Конфидент не поймет. Ангел и тот не поймет. Если женщину уважаешь, не бери конфидента. Если себя уважаешь, не бери конфидента". Кукольник сам себе формулирует похожее правило и следует ему. Практически нигде и ни в каком документе (рукописном или печатном) не называет имя своей возлюбленной.

Перемену в отношениях замечают все. О причине, правда, не говорит никто. Можно строить разные предположения. Скорее всего, это трудные события, случившиеся в его любовном увлечении Е.Т.Фан-дер Флит. И он это понимает. Сохранилось одно стихотворение, обращенное к Машеньке Толстой...

"Не христианин я давно!
Уж мне не в радость воскресенье,
Другое мне присуждено
Богоотступное моление.
Не лик божественный Христа,
Ни Богоматери икону, –
Иную чествует мадонну
Богоотступная мечта.
Когда ж последний день придет,
Твой грешный раб не задрожит.
Сам Саваоф тебя увидит...
Сам Саваоф меня простит..." [11].

Повторим, что это 1834 год. Еще жива мать Машеньки, а известно, что умерла она в 1835 году. В ноябре 1834 года Машеньке исполняется 17 лет.

Новый 1835 год Кукольник встречает у Толстых. Он снова душа вечера. Все радуются и веселятся, но "я только одна знала, – вспоминает Машенька, – почему с грустью провожала мой милый старый год, и чувствовала, что все, что было в нем мне дорогого, ушло от меня навсегда".

Вроде все хорошо... Начинается игра в *говорящие живые картинки*. Ставится картина "девять муз и Аполлон". Роль Аполлона достается Кукольнику, а Машеньке – одной из муз, которую Кукольник назовет Мельпоменой. Когда дошла очередь Машеньки читать свою роль, она едва слышно проговорила положенные стихи. "И вдруг почувствовала, – вспоминает она, – что кто-то крепко поцеловал меня в голую шею и добрым тихим голосом сказал мне на ухо: "Маша! Ведь Мельпомена – его голос". Я сейчас узнала родной мне голос, это была маменька, которая

хотела ободрить и поддержать меня в ту минуту, когда я теряла силу. Дорогая моя не выдержала, проговорила и показала мне, что она всё знает и страдает вместе со мною. От слов её я снова ожила и поняла, что я – Мельпомена, муза трагедии. Я точно прозрела: давно покинувшее меня счастье вновь ворвалось в мою душу" [12, с. 223].

После ужина Н.В.Кукольник сообщил Машеньке, что он собирается в Москву на премьеру "Руки Всевышнего...", и тут нервы Машеньки не выдерживают. Она убегает в другую комнату, где одна плачет "... И вдруг над собой услышала опять его голос:

- Марья Федоровна, не плачьте, не разрывайте мне душу. Ведь я также же страдаю, как и вы. Верьте мне, что во всем, что случилось, не я виноват. Как честный человек, я должен был поступить так, как я и поступил. Молю вас, не обвиняйте – меня. Нашли, что мы с вами оба еще слишком молоды, чтобы нам усесться на место. После вы узнаете все сами и скажете, что я был не виноват.

Задышающимся голосом он – продолжал говорить, и мне показалось, что и он тоже плакал. Это уже было выше сил моих, и я начала его умолять, чтобы он ушел от меня, не мучил меня, оставил меня одну. После того я услышала над собой еще одно только слово: "Прощайте!" [13].

На Пасху 1835 года адмирал Лазарев делает предложение возлюбленной Кукольника и получает её согласие. Все клятвы, все объяснения теряют свое значение и превращаются в ничто.

Смотрю на прочную любовь,
Взаимную холодность вижу...
Спокойна опытная кровь,
Я – ни люблю, ни ненавижу.
1836 [14].

Кукольник остается ни с чем. Одна неожиданно выходит замуж, вторая как бы чувствует это, и старается не обращать внимание на него.

... И как-то не вяжется эта ситуация с теми характеристиками, что давали Н.В.Кукольнику его современники, представляя его коварным обольстителем, покорителем женских сердец. Вот только два таких высказывания об этом периоде жизни Н.В.Кукольника:

В.Инсарский: "О личности его ходили самые разнообразнейшие слухи, и всегда с примесью чего-нибудь поэтического. Говорили, что он красавец собою, что многие женщины и девы влюблялись в него, и что он был героем самых романтических приключений" [15].

Е. Драшусова: "Когда, бывало, он по несколько часов" импровизировал на фортепиано с чувством и увлечением, то нельзя было не убедиться, что в нем самом было много поэзии" [16].

Последнее высказывание постоянно цитируют, подчеркивая, что тем самым Н.В.Кукольник "умел" привлекать к себе внимание, нравиться дамам. А отсюда и выводы, подобные тем, что мы находим у известного пушкиноведа Н.О.Лернера: "едва ли мог он, холодный и рассудочный, искренне увлечься кем бы то ни было" [17].

Наши исследования показали обратное. Н.В.Кукольник умел любить, ценил это чувство, страдал и умел увлекаться. Да и В.Бокова в предисловии к изданным в 1991 году "Воспоминаниям" М.Ф.Каменской подчеркивает, что "возникшее чувство было обоюдным".

Окончательно вытесняет из её сердца первую любовь и решает её судьбу появление в 1837 году нового героя – молодого беллетриста Пала Павловича Каменского, красавца с черными бархатистыми глазами, вояку-кавказца с Георгиевским крестом в петлице, друга и подражателя Марлинского, краснобая, остроумца, певца, танцора и др.

Кукольник не теряет надежды. Он считает все же, что изменила ему Машенька. В его дневниковых записях сохранилась такая запись (на нее обратил мое внимание И.Черный). Она датируется 1839 годом:

"Не верьте резонерам, что любить можно только единожды: я любил два раза, любил не безумно, не пламенно, конкретно, и признаюсь, любовь моя не погасла, впрочем, к одной, первой.

Конечно, строго размышляя, она мне изменила, вышла замуж, не будучи уверена, миновала ли любовь моя, миновала ли любовь ко мне, больше как мне кажется от досады, летом 1837-го года. Имеет или на днях будет уже иметь двух детей. Муж выздоровел, молод, хорош, крепок. Все надежды, кажется, должны бы разлететься – и что же? Я не могу ни наяву, ни во сне расстаться с нею; я в пылу собственных удовольствий тщетно стараюсь заглушить неисповедимый укол сердца, нежели, в самом деле, вкушать наслаждения.

Теперь она мучительно холодна ко мне. В минуты, когда я еще говорил с нею о прошедшем, она уверяла меня, что нельзя искоренить из сердца уважения, дружбы, поселенной минувшей любовью!.. Эти слова непонятны. Минувшая любовь сменяется только ненавистью. Долг женщины велик, и она умеет исполнить его и, кажется, в этом вся разгадка слов ее. Конечно, любовь моя не решит меня на самоубийство; эта идея, столь долго пожиравшая мое сердце, превратилась в

странную глупую надежду, от которой мне однако ни мало не легче" [18].

18 июля состоялась свадьба Марии Федоровны с Каменским. Описывая ее, Мария Федоровна вспоминает о таком случае. Когда невеста с бокалом в руке оказалась в дверях спальни и начала прощаться с гостями, ее отец вдруг неожиданно кинулся перед нею па колени и заплакал.

- Маша, – говорил он сквозь слезы, – не уходи от меня никогда! Я без тебя жить не могу. И в этот же момент неожиданно Кукольник тоже упал на колени и "плакал, повторяя те же слова" [19]. Вот это – действительно порыв души, мгновенный, но многозначительный. И Н.Кукольник был на коленях, потому что себя считал виноватым. Не об "измене" Машеньки идет речь! Скорее речь идет об "измене" Н.Кукольника.

Я не буду комментировать этот порыв Кукольника. Он говорит сам за себя. Хотя комментарии совершенно недавно (7 мая 2008) появились в Интернете в виде фразы: "Что за жизнь была у несчастного Кукольника. Судите сами: любить всюю душой Е.Т. фон дер-Флит, а жениться на Софии Амалии фон Фризен. Это же с ума сойти можно. Классический шлимазл. Хоть и русин" [20].

21 декабря 1839 года у Каменских родилась дочь Анна Петровна, вошедшая в русскую литературу как Барыкова (кстати, это ее фамилия по второму мужу, ростовчанину). Поэтому можно считать, что Н.Кукольник сам называет своей первой любовью именно чувства к М.Толстой.

Раздумья и размышления Н.Кукольника о превратностях любви, буквально рассыпанные по всем его произведениям, не укладываются в схему "мгновенного порыва" души. На самом деле было глубокое чувство, резко изменившее судьбу самого Н.Кукольника.

В черновиках Н.Кукольника сохранились следы работы в 1836–38 годах над трагедией "Дурак" (т.е. "Шут", как сам Н.Кукольник трактовал это название). Сын королевского шута (описывается период 1492 г.) посмел влюбиться в высокородную особу, однако был выставлен на посмешище. И.Черный трактует этот сюжет как ответ на главный вопрос судьбы самого Н.Кукольника: писатель, обладавший изрядной долей многозначительности, вероятно, тяготился своим двусмысленным положением, по его собственному мнению, положением выскочки в кругу аристократии. Он считал, что ему никогда не простят этого, каких бы усилий по достижению высокого положения в обществе он ни делал" [21].

Закончить свой рассказ о любви Кукольника я хочу историей одного стихотворения.

В 1837 году в журнале "Сын Отечества" было напечатано его стихотворение:

К ЛЕНОРЕ

Есть имена любовника, супруга:
Их ветхий смысл был дорог всем векам;
Но ангел мой, простое имя *друга*
Я предпочту всем этим именам.
Нет! Не хочу и этого названья:
И в дружбе есть корыстные мечты,
А у престола чистой красоты
Преступны и чистейшие желанья.
Нет! Бог с тобой! Любовью безыменной
Доволен я; мне нечего желать.
Есть слезы у меня; твой образ несравненный,
И горькое умение страдать.

Это стихотворение найдено в архивных документах, оставшихся после смерти Кукольника. В 1888 году племянники опубликовали его без имени [22]. Так оно попало в сборник стихов "Поэты 1820–1830 годов". Сравнение этих двух стихотворений показало, что за 30 лет, прошедших с момента первой публикации стихотворения, посвященного Е.Т.Лазаревой ("Ленора"), Кукольник внес в него изменение только двух слов. Слова выделены мною жирным текстом и подчеркнуты. Вместо "не хочу" написано слово "не дари", а слово "несравненный" заменено словом "вдохновенный". Название стихотворения снято.

Есть все основания считать, что оставшееся в бумагах Кукольника стихотворение, опубликованное посмертно, было посвящено Машеньке. Это она подарила ему название "друга", а образ ее для Кукольника так и остался "вдохновенным".

М.Ф.Каменская (1817–1898) в конце своей жизни вынесла на страницы журнала "Исторический вестник" свои откровения, наивные и трогательные, о любви к Н.В.Кукольнику. Мария Федоровна с большой ответственностью отнеслась к работе над этими воспоминаниями. Были использованы старые письма, альбомы, деловые документы. Все это было перечитано, приведено в порядок.

"Погружение в прошлое, – пишет М.Бокова, – давалось нелегко: воспоминания волновали и мучили её, за работой она смеялась и плакала, потом начались ночные кошмары. Сын и невестка следили за матерью с тревогой, и когда та начала заговариваться, категорически потребовали прекратить работу!" [23].

Говоря о Машеньке, надо заметить, что жизнь щедро одарила ее интересными встречами с писателями, художниками, актерами. М.И.Глинка посвящал ей романсы. К.П.Брюллов писал ее портрет и делал с нее эскизы для своей "Осады Пскова". Немолодой П.А.Вяземский, встретив как-то в маскарде, подарил на другое утро книгу с посвящением. А.К.Толстой был ее двоюродным братом и помогал ей впоследствии публиковать свои произведения. Замуж М.Ф.Толстая вышла за писателя П.Каменского (1814–1871). Произошло это в 1837 году. Об этом у Н.И.Панаева в его "Воспоминаниях" имеются такие иронические заметки:

"Каменский, интересный молодой человек, явившийся с Кавказа с повестями а la Марлинский и с солдатским Георгием в петлице. Кавказский герой одержал две победы в Петербурге: одну над г-ном Краевским, издававшим "Литературные прибавления", который, пораженный его талантом, заплатил ему 500 рублей (ассигнациями) за его первую повесть: другую – над дочерью Ф.Толстого" [24].

Любовь к Каменскому, писателю круга Кукольника, активному члену его собраний, вскоре стала для Марии Федоровны всепоглощающей. И хотя, если говорить по большому счету, семейная жизнь ее не удалась, любовь свою к мужу она пронесла через всю жизнь и делала все возможное, чтобы помочь ему. А это было крайне необходимо. С годами все заметнее становились отрицательные черты характера его: хвастовство, слабоволие, лживость и легкомыслие. Постепенно он пристрастился к горячительным напиткам до такой степени, что стал хроническим алкоголиком. Подолгу исчезал из дома, и его даже замечали, грязного и оборванного, просящего на улицах подаяние.

На Марию Федоровну легла вся забота о детях. А их было шестеро (еще четверо умерли в младенчестве). И ей приходилось продавать свое рукоделие, писать и печатать в журналах прозу, стихи, драмы.

"Воспоминания", которые мы так часто цитировали, написаны в 1893–1894 годах. Это закат жизни. Жила она у одного из младших сыновей. Так воспоминания и остались незаконченными.

Что так волновало Марию Федоровну при ее работе над воспоминаниями, сказать трудно. Возможно, какой-то ответ мы найдем в словах Л.Авиловой из её неопубликованной повести "О любви...": "...Был одна-

жды такой общий разговор. Он <Чехов – А.Н.> спрашивал меня по какому-то поводу: "Справедливо ли, что ошибка в выборе мужа или жены должна испортить всю жизнь?". Конечно, я ответила, что совсем не справедливо, нелогично и даже непростительно и возмутительно".

Всей своей жизнью Мария Федоровна подтвердила это высказывание женщины, на склоне дней своих задумавшейся о своей первой любви. И ее добрый и чистый взгляд на людей и события, не замутненный ни злобой, ни обидой, ни раздражениями, нашедший отражение в ее "Воспоминаниях", говорит о высокой духовности автора. И всей своей жизнью, отданной прежде всего на поддержку мужа, воспитание детей (а среди них есть и художники, и писатели), она по-своему ответила на поставленный вопрос. Особенно тогда, когда так трогательно описала свое первое чувство и своего первого избранника.

Умерла Мария Федоровна спустя четыре года после опубликования "Воспоминаний".

Литература

1. Кукольник Н. Приезд в С.-Петербург // ИРЛИ, ф. 371, ед. хр. 26.
2. Аронсон М., Рейснер С. Литературные кружки и салоны. – М.: Аграф, 2001. – С. 913.
3. Там же. – С. 9, 47
4. Каменская М. Воспоминания. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 207–209.
5. Бокова В.М. М.Ф.Каменская и её "Воспоминания" // Каменская М. Воспоминания. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 5–16.
6. Мокрицкий А. Дневник. – Москва: Изобразительное искусство, 1975.
7. Каменская М. Воспоминания. – С. 209–210.
8. Там же. – С. 213.
9. Там же. – С. 217–218.
10. Кукольник – Фан дер-Флиуту. 21 ноября 1834 // ИРЛИ, ф. 371, ед. хр. 102.
11. Щукинский сборник, вып. УП. – М., 1907. – С. 270.
12. Каменская М. Воспоминания. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 223.
13. Там же. – С. 223–224.
14. Кукольник Н. Охлаждение (окончание) // Стихотворения. – Таганрог, 1999. – С. 48.
15. Исарский В.А. "Записки" // Русская Старина. – 1894. – Т. 80. – Февраль. – С. 13–16.
16. Неизвестная (Драшусова). Жизнь прожить не поле перейти // Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. – М., 1930. – С. 226–236.
17. Лернер Н.О. Предисловие к неосуществленному изданию 1930 г. "Воспоминаний" М.Ф.Каменской // Каменская М.Ф. Воспоминания. – М.: Художественная литература. – С. 329–341.

18. ИРЛИ ф. 371, д. 78, л. 29.
19. Каменская М. Воспоминания. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 268.
20. Письма к ученым соседям // Ел. ресурс: <http://Madimirpotapov.livejournal.com/>
21. Николаенко А.И. Шут или дурак (любовные мотивы в творчестве Н.Кукольника) // Література та культура Полісся. – Вип. 30. – Ніжин, 2005. – С. 41–48.
22. Николаенко А.И. **Я плачу, я страдаю...** // Гуманитарные науки на границе тысячелетий. – Ч. 3. – Кубанский Госуниверситет, 1998. – С. 83–88.
23. Бокова В. М. М.Ф.Каменская и её "Воспоминания" // Каменская М. Воспоминания. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 5–16.
24. Панаев И.И. Литературные воспоминания. – М.: Правда, 1988. – С. 128.

Г.В.Самойленко

Видатний білоруський письменник Ф.Богушевич на Чернігівщині

Чернігівщина багата на літературні ужинки. З цим придеснянським-приостерським краєм пов'язана доля багатьох письменників і не лише українських, а й російських, білоруських, польських, єврейських та інших народів. Серед них яскраво світиться зоря основоположника нової реалістичної літератури Франтішека Казимировича Богушевича (9 (21) березня 1840 – 18 (28) квітня 1900).

Саме в Ніжині, Чернігові, Конотопі та інших містах Чернігівщини пройшла значна частина його життя. На жаль, цей період життєвої та творчої долі Ф.Богушевича найменше вивчений як білоруськими, так і українськими дослідниками. В 60–80-х рр. ХХ ст. звертались до аналізу творчої спадщини письменника вчені Ніжинського педагогічного інституту ім. М.В.Гоголя доценти Г.П.Васильківський та Г.Я.Неділько. Були опубліковані в 90-х роках і невеликі розвідки автора цих рядків [1]. Нині нами виявлені в архівах Чернігівщини нові архівні документи, які дають можливість розкрити невідомі раніше сторінки життя Ф.Богушевича

Він народився в селі Кушляни Віленської губернії в сім'ї дрібного шляхтича. У 1861 р. Ф.Богушевич після закінчення Віленської гімназії вступив на фізико-математичний факультет С-Петербурзького університету, з якого за участь у студентських "безпорядках" був відрахований. Повернувшись на батьківщину він деякий час вчителював. А в 1863–1864 рр. брав активну участь у повстанні під керівництвом Кастуся Калиновського. Під час придушення повстання російськими військами у 1864 р. в одній із бойових сутичок Ф.Богушевич був поранений, і ця недолікована